

Тогда, в начале 70-х, в Париже появилось много новых «карманных» театральные зальчиков, оборудованных на скорую руку в пустующих подвальных помещениях. Афиша одного из них гласила: «Если вы хотите повстречаться с русской литературой и историей, приходите на «Вечеринку», подготовленную Таней Балашовой и ее учениками». Так и было написано «Vetcherinka». Заинтригованные, мы отправились по указанному адресу.

На маленькой сцене, оформленной под уютную гостиную, к моменту нашего прихода было уже довольно «многолюдно». Две девушки изучали разложенные на банкетке старые русские афиши и газеты; юноша за ломберным столиком листал книгу; другой паренек в косоворотке тихо перебирал струны гитары. В углу, на высоком табурете, сидела немолодая женщина в просторной желтой блузе и черных брюках. Вот она, прося внимания, трижды хлопнула в ладоши, опираясь на палочку, вышла на просцениум и заговорила. Рассказывала о себе — о том, что, русская по происхождению и воспитанию, на склоне лет стала «все острее и даже больнее» ощущать свои корни, все живее интересоваться судьбой своего отечества. И решила приготовить этот спектакль — в память о поэтах и писателях революционной и послереволюционной России. А поскольку революция была делом молодых, то и спектакль сделан тоже молодыми силами... Зазвучали строки из Маяковского и Пастернака, Блока и Есенина. Вторя им, зазвучала гитара. Стихи сменялись инсценировками рассказов Горького и Вабеля, отрывками из воспоминаний. Таня перекидывала мостики-комментарии от текста к тексту, постукивая палочкой, расхаживала хозяйкой среди юных исполнителей, прерывала их неожиданным «каверзным» вопросом об авторе, о времени, подбивала на спор, сталкивала мнения.

Кое-что из высказываний звучало наивно и неточно. Кое-какие жесты и интонации отдавали «лубком». Но были неподдельная симпатия к России и желание постичь ее прошлое. Были радость и азарт исполнения.

— Советские? — переспросила Таня, переходя на русский — правильный и чистый. — Настоящий, откуда? А я все думала: хоть бы кто-нибудь из них пришел посмотреть нашу работу, ведь нечасто в Париже такое показывают... Но что мы тут стоим, пошли в кафе!

Она махнула рукой своей «команде», в почтительном молчании обступившей нас, и двинулась вперед. Мы — за ней. В кафе проголодавшаяся «команда» набросилась на бутерброды, потом, осмелев, принялась «выпытывать» наше мнение о спектакле. Сами они явно гордились тем, что в нем участвуют, что его создавали.

— Но почему все-таки «Вечеринка»? — задала я Тане давно вертевшийся на языке вопрос. — Под этим словом обычно подра-

ПАРИЖСКИЕ УРОКИ ТАНИ БАЛАШОВОЙ

Вы, возможно, видели ее в фильме Ива Робера «Привет, артист». Она там играет директрису театра, которая, пообещав герою — невезучему актеру наконец-то настоящую большую роль в настоящей пьесе, неожиданно разоряется... Это была ее последняя работа в кино. Последняя же работа в театре еще предстояла. Она-то и послужила причиной нашего знакомства...

зумеваются «теплая компания», застолье, танцы...

— Правда? А в пору моего детства так называли дружескую встречу в домашней обстановке, на которой непременно читают стихи, музицируют...

Ее ждало такси, которое заказал по телефону бармен. Мы предложили подвезти кого-то из актеров. В машине ребята говорили только о Тане. Все они либо сейчас, либо раньше учились на ее частных курсах. Все считали, что лучшей театральной школы в Париже нет.

— Она всех нас любит. Даже денег не берет с тех, кому нечем платить, да еще и подкармливает. И занимается дополнительно, если у человека талант. А у самой, между прочим, долги!

— Вы заметили — она с палочкой? Десять дней назад упала с лестницы — той самой, что ведет из кулис на сцену. Растяжение. Врачи велели лежать. Но она не послушалась, продолжает работать — ради нас.

(А мы-то думали, что палочка — сценический аксессуар!).

— Имело полный смысл поставить такой спектакль с известными актерами из числа ее бывших учеников. Кинула бы клич — они б явились. И были бы аншлаги, статьи в прессе, доходы. А она собрала нас, ничем еще не примечательных, прекрасно предвидя вытекающие отсюда трудности. И так она поступает всю жизнь.

Об этой жизни мы успели в тот памятный вечер кое-что узнать от самой Тани. Отец был в России журналистом, участвовал в подпольной революционной деятельности, несколько раз подвергался арестам. После революции 1905 года, спасаясь от преследований царской полиции, уехал с семьей в Бельгию. Там Таня выросла, участвуя в домашних театральных «вечеринках», там поступила на драматическое отделение Королевской консерватории. В выпускном спектакле — «Братьях Карамазовых» — сыграла Грушеньку. Сыграла так, что получила

приглашение от самого Шарля Дюллена, руководившего парижским театром «Ателье». В Париже работала с крупными актерами того времени. Сама стала известной французской актрисой. И режиссером. И даже драматургом. Однако главным делом с послевоенного времени считала свои театральные курсы. Там-то, по ее собственным словам, она «переставала быть французской и возвращалась к истокам»...

Прощаясь, она звала побывать у нее на занятиях. Я не замедлила воспользоваться приглашением.

...На помост вызывались один за другим ученики для показа своих «домашних заданий». Таня быстро и четко «правила» их работу, остроумно, но не зло поддевала за ошибки, отчего аудитория то и дело взрывалась добродушным смехом. Потом, после перерыва, занималась с ними дыхательной гимнастикой. Потом ходила между рядами и рассказывала о Жорже Пигуе, о его тифлисской юности, о его парижской труппе, носившей на себе глубокий отпечаток раннего МХАТа. В другом учебном заведении это назвали бы тематической лекцией. А тут было ощущение, что тема просто пришла к слову...

— Моя задача — обнаружить и подтвердить способности человека, открыть ему глаза на простые истины — зачем театр, зачем актеры, научить искать психологические пружины поступков персонажей, думать и чувствовать, как они...

— То есть приобщать к системе Станиславского?

— Непременно. Она — моя библия. Во Франции ею часто высокомерно пренебрегают, толком не изучив, искажают суть. Я ведь и курсы свои открыла прежде всего потому, что видела, как не хватает такой основы начинающим актерам. Их в основном ориентируют на «механическую игру»: внешний блеск, словесная «прыть», акробатика. И они слепо бьются, как мухи об оконное стекло. А отворишь им окно — они и летят...

Вскоре после посещения курсов я завезла Тане маленький подарок — пластинку Вертинского. Чтоб ее не беспокоить, оставила внизу, у консьержки. Через несколько часов звонок по телефону:

— Вы мне доставили истинное наслаждение. Весь вечер слушала. И вспоминала... Я ведь знала его. При встрече расскажу...

Встречи не состоялось. Тремя днями позже я выключила радио и услышала грустную весть: Таня Балашова умерла. Внезапно. Сердце.

В парижских газетах появились большие статьи-некрологи. Авторы поминали добрым словом бывшие спектакли и фильмы, бывшие триумфы, воздавали должное ее актерскому обаянию, искренности и непосредственности. Но больше всего и с особым признанием говорили о ней как о бескорыстном, одержимом педагоге, воспитавшем несколько поколений французских актеров. Перечисляли ныне прославленных учеников. Длинный, внушительный получался список.

«Отворишь им окно — они и летят»... Многие из тех, кто выпорхнул из ее школы-гнезда, навсегда «заболели» русской литературой, традициями русской сцены. Ныне всемирно известный режиссер Антуан Витез, ставя «Чайку», признавался, что к Чехову его привела Таня Балашова. Талантливый Серж Мажьяни, потрясший парижан в моноспектакле по рассказам Тургенева, на вопрос журналиста, откуда в нем этот русский дух, отвечал: «От Тани Балашовой». Ее бывшая курсистка Марианка Ревейон в парижском пригороде создала народную студию, где инсценировала «Мать» Горького. Работа имела такой успех, что любительскую труппу пригласили на профессиональную сцену. «Этот спектакль обязан появлением на свет Тане и ее урокам», — сказала молодая постановщица.

Крупнейший мастер сцены Жан-Луи Барро не раз отмечал доброе влияние дружбы с актрисой на правильное понимание русских драматургов. О том, как Барро ценил ее педагогический труд, говорит конкретный факт: филиал театра, которым он в свое время руководил, был безвозмездно предоставлен Таниным курсам. Об этом же свидетельствуют услышанные мною от него слова:

— Славянская душа — не выдумка. Она существует, я ее повстречал в Тане Балашовой. Эта женщина обладала настоящим человеческим теплом и согревала им своих питомцев.

Давно уже не стало Тани. Давно собиралась я о ней написать, да все откладывала. И тетрадь, в которую были занесены впечатления от коротких встреч, лежала в дальней папке. Сейчас решила ее достать. Чтобы не затерялась для нас бесследно одна, пусть скромная, но достойная уважения и памяти творческая судьба. Судьба русского человека на чужбине.

Елена КАРАСЕВА.